

Демонтаж капиталистической системы

Людмила СЕМЕНОВА,
доктор исторических наук, профессор

Мировая капиталистическая система по своей внутренней природе склонна к экспансии. Для ее функционирования и развития необходимы некапиталистические зоны, за счет которых она может расширять свои рынки и черпать необходимые ресурсы. Полное включение таких зон в капиталистическую систему ставит под вопрос само ее существование.

Проблемы общественного устройства не часто поднимаются в современном гуманитарном дискурсе. Постмодернистская философия сместила интерес исследователей от теории к описанию, от объяснения с выявлением закономерностей – к субъективному толкованию. У исследователей практически нет адекватной терминологии для обозначения современности и стремительно надвигающегося будущего. Приставка «пост-», нанизываемая на разнообразные понятия («постиндустриализм», «постмодернизм», «постсовременность»), ясности не прибавляет. Неслучайно современность принято характеризовать как постоянно меняющуюся ситуацию, неуловимую для фиксации. Автор книги «Текущая со-

временность» З. Бауман отмечает: «Все конфигурации, конstellляции, паттерны зависимости и взаимодействия были брошены в плавильный тигель, чтобы впоследствии преобразоваться и измениться; это была стадия «разрушения формы» в истории нарушающей, ломающей границы, всеразрушающей современности» [1, с. 13].

Так неужели «всеразрушающая современность» снесла все институты и порожденные ими традиции теоретического познания? Конечно, нет. Смеем утверждать, что ее разрушительной мощи оказались неподвластны не только жесткие системообразующие устои социальной организации, но и мельчайшие детали. Феномен текучести связан не столько с реальностью, которая весьма динамична, сколько с ее осознанием и информационными потоками по ее поводу. Именно информация, фрагментируя и моделируя реальность, упаковывая ее в многообразные, регулярно меняющиеся термины и формулы, заволаживает нас ощущением текучести. Разумная же теория вполне в состоянии описать и объяснить современность.

К таким теориям, надежно связывающим в единую длительную перспективу прошлое, настоящее и будущее, несомненно, относится теория капитализма. В чем убеждают и мощная традиция изучения этого строя, начиная с XIX века, и нынешний подъем интереса к нему. Значительный вклад в теорию капита-

ОБ АВТОРЕ

СЕМЕНОВА Людмила Николаевна.

Родилась в г. Алматы (Казахстан).

В 1986 году окончила исторический факультет Казахского государственного университета имени Аль-Фараби, в 1990 году – аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Преподавала в Алматинском энергетическом институте и Казахском государственном университете. В 1997 году прошла научную стажировку в университете Кентукки (США).

В 2000–2006 годах – доцент Международного гуманитарно-экономического института (Минск). В 2006–2012 годах – доцент Института парламентаризма и предпринимательства (Минск).

С 2012 года – профессор кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета.

Доктор исторических наук (2012), профессор (2017).

Автор более 100 научных работ.

Сфера научных интересов: социально-экономическая история Нового и Новейшего времени, история США, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, тред-юнионизм, лейборизм, социальный реформизм, социальное партнерство, история Беларуси.

лизма внесли такие известные ученые, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Т. Пикетти, В. Катасонов, А. Фурсов, Б. Кагарлицкий, М. Хазин и др.

Многие ученые единодушны во мнении, что если капитал, подразумевающий в качестве овеществленного труда, самовоспроизводящегося актива, приносящего прибыль, издревле существует в социально организованном обществе, то капитализм в качестве общественной системы историчен, ограничен во времени. И время его окончания уже близко.

Так уж «повезло» капитализму, что исследователи обнаружили его во вполне зрелом, если не закатном системном состоянии. Само понятие «капитализм» в XIX веке встречалось крайне редко. Даже автор «Капитала» К. Маркс его не употреблял, при необходимости обращаясь к словосочетанию «буржуазное общество». Лишь в самом начале XX века, в том числе во многом благодаря исследованию В. Зомбарта «Современный капитализм», впервые опубликованному в 1902 году, термин «капитализм» широко вошел в общественно-политический дискурс, став антонимом понятия «социализм». Парадоксально, но «социализм» в качестве проекта будущего гораздо раньше, чуть ли не на век, овладел умами, чем закрепился термин «капитализм», призванный фиксировать современность и недавнее

прошлое. Конечно, никто не рискнет назвать конкретное время окончания капиталистической системы, хотя ряд авторов, например, М. Хазин, считают, будто западная цивилизация уже свернула проект капитализма [2]. Но все соглашаются с тем, что лучше «дает себя прочесть» та система, которая или ушла, или находится на исходе своего существования, позволяя, по словам И. Валлерстайна, подвести ее «балансовый отчет».

В этом бесконечном прочтении капитализм раскроет еще множество своих страниц. Ведь он до сих пор остается самой загадочной, таинственной и обросшей ложными мифами общественной системой. В данной статье представим вниманию читателей важнейшую характеристику капитализма, активно обсуждаемую в современной литературе: его экспансионизм, стремление к расширению.

В зависимости от сферы вложения, приносящей прибыль, капитал принято делить на денежный (банковский, ростовщический, финансовый), торговый и производственный. Только в условиях капитализма и рыночной системы деньги из меры стоимости и средства платежного обмена благодаря ссудному проценту превратились в полномасштабный и максимально прибыльный товар. Хотя стремления к этому наблюдались давно. Еще Аристотель описывал различия между экономикой, направленной на ведение разумного потребительского домашнего хозяйства, и хрематистикой, нацеленной на накопительство и перераспределение денежного богатства. В начале формирования капиталистической системы в XVI–XVII веках, в период первоначального накопления капитала преобладал его непроизводственный финансовый вид. Французский историк Ф. Бродель выявлял «сектора», где капитализм «был у себя дома» – финансы, торговля. Это самые верхние, скрытые от многих людских глаз этажи экономической деятельности, вершина торговой иерархии, крупные международные торговые операции, которым «благоприятствовало государство». Из этой колыбели и вырос капитализм, постепенно прони-

кая в другие сферы хозяйства. По словам Ф. Броделя, первоначально финансовый капитал лишь «вгрызлся в чужие владения, но часто и уходил оттуда», не задержался в таких сферах, как земледелие, промышленность, транспорт. Фактически капитализм был в гостях на большей территории Европы и всего мира еще в XVIII веке [3, с. 289, 567].

В XIX веке английская промышленная революция подтолкнула развитие индустриального производства. Капитал ринулся в производственную нишу и стал осваивать новые рынки. Существенно возросла роль индустриального капитала, что позволило К. Марксу связать капитализм с индустриальным способом производства и практически абстрагироваться от банковского. Как подчеркивал К. Маркс, для капитала недостаточно существования товарного и денежного обращения. «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы... Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественно-го процесса производства» [4, с. 162].

В XX веке индустриальный капитал активно проявлял себя в период научно-технической революции. Поэтому 1950–1960-е годы стали временем экономического роста, индустриальной модели массового производства – массового потребления. В принципе капитализм осилил технологическое общество.

Нельзя не признать, что мощь капиталистической индустрии покоится на силе банковского капитала. В начале XX века марксисты активно дискутировали по вопросу о составных элементах современного им финансового капитала. Так, например, В. Ленин полагал, что финансовый капитал является результатом равного слияния промышленного и банковского. Тогда как немецкий социалист Р. Гильфердинг считал его преимущественно банковским капиталом, вложенным в производство.

Действительно, если в докапиталистических системах финансовый капитал

был незначителен и вполне контролировался общественными институтами: государством, моралью, религией и т.д., осуждавшими ссудный ростовщический процент, то в капиталистической системе именно финансовый непроизводственный капитал стал ее экономическим краеугольным камнем, только лишь позволяя индустриальному капиталу выполнять некоторую работу.

В. Катасонов – автор фундаментального труда «Капитализм. История и идеология „денежной цивилизации“» утверждает, что «из трех форм капитала главной является денежный капитал, он неизбежно подчиняет себе товарный и производственный капитал. Поэтому с экономической точки зрения речь идет о денежном капитализме. А денежный капитализм существует в контексте „денежной цивилизации“» [5, с. 22]. И сегодня они стали глобальным явлением.

Если Ф. Бродель исследовал динамику финансового капитализма XV–XVIII веков, К. Маркс – по преимуществу индустриального капитализма XIX века, то американскому ученому И. Валлерстайну удалось завершить картину, выведя капитализм из марксовых производственных отношений и броделевского верхнего уровня торгово-финансовых операций до мирового явления – международной системы с собственной жесткой иерархией. Эта система в соответствии с терминологией возглавляемой И. Валлерстайном школы миросистемного анализа называется единой капиталистической миросистемой или капиталистической мир-экономикой. Она начала формироваться с XVI века, достигла определенной степени зрелости в XIX и вступила в полосу заката в конце XX века. Транснациональность всех товарных и финансовых цепей определила выход капитализма на широкую международную арену и неизбежность осевого разделения последней на центр (ядро) – страны Запада и периферию – весь остальной мир. По словам Валлерстайна, «зону, теряющую прибыль, мы можем назвать периферией, а приобретающую – ядром» [6, с. 89]. Перемещение прибыли в ядро концентриро-

вало там капитал и открывало большие перспективы для его инвестирования в индустрию.

В безудержном стремлении капитала к экспансии и заключается важнейшее противоречие капитализма как системы. Капитал стремится проникнуть всюду, но, чтобы сделать это, он должен иметь вокруг себя некапиталистические зоны. Пока они были, они и создавали простор капитализму, давая ему возможность «вгрызаться в чужие владения» и отвоевывать для себя лакомые куски, преодолевать кризисы, модернизироваться, расти и процветать. На эту особенность обратил внимание историк А. Фурсов. По его мнению, капиталистической системе, системе «со знаком +» просто необходимо иметь рядом своего контрагента – антикапиталистическую систему «со знаком -».

К началу XX века некапиталистических зон практически не осталось. Вся мировая периферия, включая и Российскую империю, была поделена на сферы влияния стран капиталистического ядра. Но Советский Союз предпринял попытку отсоединения от капиталистической миросистемы. В 1930-е годы, в период индустриализации ему удалось выйти из международного процесса накопления капиталов, из мировой финансовой системы. А. Фурсов подчеркивает: «Команда Сталина свернула проект „мировая революция“, который в лучшем случае сохра-

нял Россию в качестве сырьевого придатка „передового Запада“, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить „социализм в одной, отдельно взятой стране“ красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [7]. Советский социализм стал именно системным антикапитализмом, так как основывался на сходной с капитализмом производственной базе – индустриальной.

Этап второй половины XX века, период холодной войны, сосуществования капиталистического и социалистического блоков был временем невиданного расцвета капиталистической системы, достижения ею максимальных результатов в освоении и использовании изобретений научно-технической революции, в развитии «государства всеобщего благосостояния». Все это достигалось во многом благодаря наличию Советского Союза. Но, как считает А. Фурсов, «наличие системного антикапитализма, хотя он и внеположен капитализму, на определенной стадии начинает деформировать, искажать капитализм, заставляет его развиваться не только по своей, но и по антикапиталистической логике, которая – парадоксальным образом – на какое-то, исторически непродолжительное время – позволяет решить проблемы капитализма, сглаживает его противоречия» [8]. Так и случилось с «государством всеобщего благосостояния» или социальным государством – определенной стадии капиталистического государства, следующей за периодом государства-нации.

Национальное государство решило задачу объединения в социально-политический организм богатых и бедных, верхи и низы в центре капиталистической миросистемы, закрепив за обездоленными колониальную периферию, которая разграблялась центром. Социальное государство, наладив систему всеобщего социального обеспечения и создав средний класс – важную предохраняющую прослойку между верхами и низами, продвинулось в решении социальных задач еще дальше, чуть ли не в координатах советского социалистического государства.

При определенных условиях, особенно при значительной роли индустриального производственного капитала, финансовый капитал мог позволить себе такой поворот, но ненадолго. Капитализм по своей сути не филантропическая организация и он не решает социальные проблемы. Как только финансовый капитал одолел индустриальный, вытесняя его из американско-европейского центра на Восток, что началось с неоконсервативного поворота 1970–1980-х годов, наступил активный процесс демонтажа социального государства.

Одновременно в условиях структурных кризисов 1970-х, особенно энергетического и сырьевого, мировой капиталистической системе удалось пробить серьезную брешь в социалистической экономике. Экономика Советского Союза, как уже бывало в российской истории, вновь стала зависеть от цен на нефть и газ. В СССР не было создано производственно-экономической базы, необходимой для рывка в посткапиталистическую систему. Нарастание внутренних противоречий советской системы и их обострение заинтересованным мировым капиталом не замедлило привести к развалу Советского Союза и самой социалистической системы.

Почти все страны социалистического блока в течение короткого времени вошли в мировую капиталистическую систему. Прибалтийские республики и пояс стран Центральной и Юго-Восточной Европы на подчиненных ролях были интегрированы в Европейский союз, став его экономической и политической подушкой безопасности. Провозглашенные на обломках СССР постсоветские государства в силу общесистемных и местных процессов были немедленно задвинуты на периферийные орбиты мировой капиталистической системы.

В Российской Федерации и ряде других стран, по мнению Б. Кагарлицкого и В. Сергеева, произошла реставрация периферийного капитализма [9, с. 398]. В 1990-е годы в условиях правления президента Б. Ельцина, при котором были быстро приватизированы многочислен-

ные активы советской экономики, Россия стала, по сути, объектом разграбления мировым капиталом, долго ждавшего столь лакомого добычи.

Как пишет М. Делягин: «Россия для развитого мира – последнее, на сей раз технологическое и интеллектуальное, эльдорадо. Поэтому развитые страны (да и Китай) не заинтересованы в ее включении в международное разделение труда. В самом деле: какое разделение труда может быть у Кортеса и инков?». По мнению российского экономиста «... политика развитых стран в отношении наследства СССР на территории России, напоминает дележ шкуры оглушенного медведя» [10, с. 403–404].

На этом фоне суверенная Республика Беларусь смогла продемонстрировать иной путь. Начало 1990-х годов было таким же, как и во всех постсоветских государствах. Был провозглашен курс на демократию, рыночную экономику и приватизацию по лекалам Вашингтонского консенсуса, открывавшего страну мировому капиталу. По словам М. Делягина, «реализация стандартных либеральных рецептов уже давно и гарантированно деиндустриализовала бы Беларусь с ее населением чуть менее 10 млн человек, расположенную недалеко от европейских центров машиностроения и субсидируемого сельского хозяйства Евросоюза!» [11, с. 13]. Однако в 1996 году вслед за конституционной реформой была провозглашена новая стратегия развития, нацеленная на формирование белорусской экономической модели. В ее основу были положены принципы рыночной экономики и социальной справедливости при определяющей роли государства в экономическом и социальном регулировании. В рамках этой модели Беларуси удалось осуществить невероятное. С одной стороны, активно декларируется открытость глобальному миру, привлечение инвестиций, интеграция крупнейших компаний в международные производственные и финансовые связи. С другой – Беларусь не передала крупные предприятия под иностранное управление, не привлекла в большом количестве иностранный капи-

тал. Страна еще не втянулась в мировые финансовые потоки, что позволяет ей при тесных интеграционных связях с Россией удерживать свою промышленность и сельское хозяйство от поглощения транснациональными корпорациями. По оценке В. Катасонова, сегодня за пределами мировой финансовой пирамиды находятся всего несколько государств – Куба, Северная Корея, Венесуэла, Республика Беларусь [5, с. 815]. Именно поэтому при незначительном демографическом и ресурсном потенциале Беларуси удается оставаться экспортно ориентированной страной с развитыми промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством.

С распадом социалистического блока в мире практически не осталось крупных некапиталистических зон. Расширение рынков за счет новых регионов уже невозможно. Повинуясь «эффекту целостности», капитал на всех парах несется к собственному саморазрушению, отбрасывая все свои ограничители, включая капитализм как систему. Ведь она, вместе с ее государственными и прочими институтами, создавалась для спасительного ограничения капитала. Вышедшему на гло-

бальный простор финансовому капиталу, функционирующему вне любых границ, освободившему себя от обузы материального производства, нет нужды ни в национальном, ни тем более в социальном государстве. Вот и начали разрушаться традиционные государственные институты на периферии, в Африке как будто сами по себе, в более развитом регионе Ближнего Востока и в Европе (Югославия, Украина) целенаправленно. На зачищенное от них пространство быстро приходят вездесущие «банкстеры» мировых банков и финансовых институтов и корпоратократия транснациональных корпораций. Однако транснациональные корпорации пока не спешат расставаться с собственными государствами в ядре капиталистической системы. Государства еще нужны транснациональным корпорациям, но серьезно модифицированные, решающие только их экономические задачи. Как пишет А. Фурсов, «корпорация-государство есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют, прежде всего, экономический характер, то есть направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению „территории прописки“ – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от „общественного пирога“ до фактического исключения из реальной жизни)» [8]. С государствами, вставшими на пути транснациональных корпораций, ведется жесткая политическая (санкционная) или военная борьба. Транснациональным корпорациям сподручнее общаться с различными сетевыми структурами, пусть даже откровенно террористическими или криминальными, чем с сильными государствами, умело отстаивающими свои национальные интересы. Нетрудно увидеть множество параллелей со Средневековьем. Согласно постулатам системологии, выход из системы удивительным образом похож на вход в нее. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Хазин, М. Мир на пороге новых времен / М. Хазин [Электронный ресурс] / Мировой кризис. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1000041>. – Дата доступа: 30.08.2013.
3. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель; 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Издательство «Весь мир», 2011. – 672 с.
4. Маркс, К. Избранные сочинения. В 9-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1987. – Т. 7: Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. – 811 с.
5. Катасонов, В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. – Изд. 4-е дополненное. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
6. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн; пер. с англ. К.А. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
7. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] / Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfurov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/. – Дата доступа: 30.05.2016.
8. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] / Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/furso/>. – Дата доступа: 05.05.2016.
9. Кагарлицкий, Б.Ю. История России: миротемный анализ / Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014. – 432 с.
10. Делягин, М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М.Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
11. Делягин, М. Будущее белорусской модели: взгляд из России / М. Делягин // Белорусская думка. – 2011. – № 8. – С. 12–19.